УДК 811.161.1'336

Е. В. Хинкиладзе
Харьков

«ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ» и «НАТУРАЛИСТИЧЕСКОЕ» В ПРОЗЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

У статті аналізуються деякі особливості російської белетристики, створеної в еміграції, і умовно позначаються як «етнографічна» і «натуралістична» тенденції. Відзначаються кошти ідеалізації старообрядництва в «Братах Чураєвих» Г. Гребенщикова і розвінчання його підвалин в «Сидоровому вченні» В. Кримова. Якщо для Г. Гребенщикова старообрядництво є основою російського життя, руйнування якої призводить до краху самої Росії, то для В. Кримова старообрядництво - осередок пороку і забобонів, позбавлення від яких робить людину вільною. Г. Гребенщиков створює «ідилічний» хронотоп, в якому час не рухається, а простір обмежений межами маєтку, де живуть і трудяться міцні і щасливі люди. У В. Кримова створений хронотоп «натуралістичний», багато в чому зрозумілий «пам'яттю» жанру шахрайського роману (М. Бахтін): герой переміщається по різних соціальних верствах, проходячи науку користолюбства й обману. В «Сидоровому вченні» ретельно описаний старообрядницький побут, традиції, забобони.

Ключові слова: *проза російського Зарубіжжя, масова література, «етнографічний» роман, «пам'ять» жанру шахрайського роману.*

В статье анализируются некоторые особенности русской беллетристики, созданной в эмиграции, и условно обозначаемые как «этнографическая» и «натуралистическая» тенденции. Отмечаются средства идеализации старообрядчества в «Братьях Чураевых» Г. Гребенщикова и развенчание его устоев в «Сидоровом ученье» В. Крымова. Если для Г. Гребенщикова старообрядчество является основой русской жизни, разрушение которой приводит к крушению самой России, то для В. Крымова старообрядчество – средоточие порока и суеверий, избавление из которых делает человека свободным. Г. Гребенщиков создает «идиллический» хронотоп, в котором время не движется, а пространство ограничено пределами имения, где живут и трудятся крепкие и счастливые люди. У В. Крымова создан хронотоп «натуралистический», во многом объяснимый «памятью» жанра плутовского романа (М. Бахтин): герой перемещается по разным социальным слоям, проходя науку стяжательства и обмана. В «Сидоровом ученье» тщательно описан старообрядческий быт, традиции, суеверия..

Ключевые слова*: проза русского Зарубежья, массовая литература, «этнографический» роман, «память» жанра плутовского романа.*

The article examines some features of the Russian fiction created in the emigration, and conditionally designated as "ethnographic" and "naturalistic" trend. There have been the means of idealization of the Old Believers in the "Churaevs Brothers" by G. Grebenshikov and debunking its foundations in "Sidorov's science" by V. Krymov. If Mr. Grebenshikov the Russian Old Believers is the basis of life, the destruction of which leads to the collapse of Russia itself, then V. Krymova Old Believers - the center of vice and superstition, disposal of which makes one free. Grebenshchikov creates "idyllic" chronotop in which time does not move, and space is limited outside of the estate, where the strong and happy people live and work. V. Krymov created the chronotope of "naturalistic" largely explainable of "memory" the picaresque genre (M. Bakhtin): the hero moves on different social strata, passing the science of greed and deception. In "Sidorov scientists" accurately described Believer life, traditions, superstitions…

© Е. В. Хинкиладзе, 2014

Keywords: *Russian prose of abroad, the popular literature, "ethnographic" novel, a "memory" of the picaresque novel's genre.*

Проза русской эмиграции хорошо изучена в своих вершинных образцах. Немало исследований посвящено произведениям русских классиков и тех, которые лишь в последние годы вернулись к своему читателю. Анализ этих работ позволяет сделать вывод о том, что особую актуальность приобретает осмысление произведений «второго» ряда, поскольку они в совокупности с выдающимися составляли то, что мы и зовем «литературой», были обращены к своему читателю, да и не только к своему, поскольку активно переводились на европейские языки. Осмысление беллетристики, написанной в эмиграции, позволяет говорить о нескольких тенденциях в ней, одна из которых, по словам Г. Струве, – «этнографическая». К ней исследователем отнесены прежде всего произведения Г. Гребенщикова, предметом внимания которого было старообрядчество, неоднократно становившееся объектом осмысления в исторической науке и изображения в литературе и искусстве. Как справедливо писал В. Бонч-Бруевич, «с давних пор и почти до самых последних дней учения эти, имевшие под собой твердую почву сложившихся социально-экономических отношений, захватывая широкую народную массу, не только волновали ее, но нередко определяли путь общественного движения той или иной группы населения, особенно в крестьянской массе. <…> Творя жизнь по своему, сектанты внесли свою лепту в дело строительства новых форм русской общественной жизни. Историческая наука не может пройти мимо крупного народного явления, долгое время определявшего внутреннюю жизнь и устройство миллионных масс населения» [1, с. 5]. Не может мимо них пройти и исследователь литературы.

Наша цель состоит в том, чтобы установить характерные особенности изображения старообрядчества в произведениях двух писателей русской эмиграции – Г. Гребенщикова и В. Крымова, – произведения которых относятся к двум разным тенденциям в эмигрантской беллетристике.

Создание многотомника Г. Гребенщикова «Чураевы», иногда называемого эпопеей, растянулось на многие годы. Как пишет ведущий специалист по творчеству писателя С.С. Царегородцева, «первая часть романа “Чураевы”, написанная в 1913–1917 годы, вышла в свет сначала в парижском журнале “Современные записки” в 1921 году, а через год здесь же – отдельной книгой в издательстве “Русская печать”. Работа над последующими частями продолжалась уже в США до конца 50-х годов. Книги Г.Д. Гребенщикова, написанные в эмиграции, не издавались в России до самого последнего времени» [4, с. 5]. Во многом благодаря усилиям исследовательницы сегодня это произведение доступно читателю. Она полагает, что «этот роман наиболее полно воплотил представления старших областников о многогеройном романе-хронике, в

котором сибиряки осознают самих себя. Поскольку основная проблематика истории литературы – это, прежде всего, социокультурные явления, данный аспект мы находим наиболее продуктивным для понимания крупнейшего произведения сибирской прозы первой половины XX века» [4, с. 4]. Для достижения поставленной нами цели наиболее показателен первый роман «Чураевых», публиковавшийся под названием «Братья Чураевы». В нем старообрядческий уклад идеализируется во многом благодаря созданному писателем хронотопу, который можно назвать «идиллическим»: Г. Гребенщиков пишет собственную, старообрядческую «идиллию».

Роман начинается описанием сплава, который призван принести в отдаленную Чураевку доход, обеспечить ее на целый год средствами к существованию. На сплав вышли «двадцать четыре коренастых мужика», «обряженные в разноцветные рубахи и штаны», они «ждали хозяйского благословения к отплытию в далекое понизовье». Проводы сплавщиков раскрашены ярко, цветисто: «В новых дощаных сусеках на плотах темнела рожь, золотился овес, а возле сусеков на жердяных мостках стояли тополевые бадейки с маслом, с медом, лежали тюки пушнины, гусиного пера, кучи невыделанных скотских шкур – богатая дань городу от сытых горных деревень. <…> Желтый, красно-синий, бело-зеленый берег гудел от голосов, стука галек, звона бревен, задорливого скрипа весел на свежих кочетах... Много людей пришло на проводы. Из деревни в этот шум врывались петушиные песни, кудахтанье куриц, собачий лай. Но все приглаживал, покрывал шум реки, прорывшей длинную, глубокую дорогу между гор, одетых синими лесами и зелеными молодыми травами» [2, с. 6].

Сытая отдаленная деревня – идеал дореволюционной России у Г. Гребенщикова. Вот каким он изображает дом и двор своего героя: «В ограде у Чураевых три дома, один другого меньше, один другого старше. Сразу видать, какой в какие времена построен, какой какую бережет бывальщину. Самый большой, сосновый, в два этажа, с расписными окнами, с железной крышей, с раскрашенными хитрой вырезью воротами выстроен недавно, лет семь тому. Внизу в нем лавка и склады для товаров; вверху все шесть комнат пустуют, в них никто еще не живет. Средний, выстроенный из листвяги, с крутой тесовой крышей на два ската, с глухим крыльцом, с окнами в ограду, уже потемнел и смотрит хмуро. Этот выстроен лет двадцать, когда Фирс Платоныч женил большака Анания. А третий, самый маленький и серенький кедровый пятистенник, криво вросший в землю и совсем почти не видный за старыми ветвистыми березами полусадика, выстроен еще тогда, когда Фирсу было семь годков» [2, с. 12]. Под стать дому и крепкое хозяйство, к которому хозяин с утра выходит: «Бросил курам зерна, оглядел дворы, пригоны, замки у амбаров и пошел из ограды на берег реки. За рекою далеко были видны пашни и луга, а дальше – горы, укутанные утренним туманом, а ближе, в

зеленом косогоре за рекой, – маральники. <…> Из дома видны: пашни, пасеки, маральник, а с пашни, из пасеки и из маральника, как на ладошке, – дом и вся деревня. Река же – как надежная городьба между деревнею и благодатью Божьей. Как боярин, князь удельный, всем располагает здесь Чураев. И не чувствует ни угрызения совести, ни страха перед Богом: все добыто трудом, все дано Богом, землей, водой и солнышком» [2, с. 12]. В этом мире свято хранятся вековечные устои, молятся Богу, растят детей, приумножают достояние, понимая честный труд и твердый доход как верность раз навсегда избранным идеалам. Потому наряду с описанием обширного имения много места занимает изложение представлений героев о Боге и мире. Так, старший Чураев с умилением – «сладостно и горестно» – вспоминает прошлое: «Вот и пасека – старинный, святой угол: сто лет назад здесь поселился скитник Агафон Чураев, дед Фирса. Как зверь от лютой погони, он убежал сюда в глушь Беловодья, к ревнителям истинного благочестия, в потаенные в горах скиты. <…> Как давно прочитанную и любимую книгу, полную скорбных страниц и тихих радостей, перелистывает он минувшие года, и крепнет душа его, в сталь отливается его вера, в уединенную, нелицемерную молитву – его думы. Святой старинной иконой, не иначе, представляется теперь Чураеву дед Агафон. С редкой белой бородой, с венчиком седых кудрей на голове, с сухим и строгим восковым лицом, он твердо и отрывисто говаривал Платону, отцу Фирса, слова царя Соломона: Премудрый сын веселит отца, безумный сын – печаль матери» [2, с. 23]. Вера предков вдохновляет Чураевых, дает им силы, приумножает их достояние.

В романе создано замкнутое пространство: вдали от цивилизации, от городов находится благословенное место, в котором все крепко. Даже заимка, куда старый Чураев вывозит молодежь для покоса, оставляет впечатление добротности и устроенности: «Покосный луг Чураевых раскинулся внизу у пасеки широкой подковой. Зеленые ковры его облегали косогоры и овраги, путались в кустарниках, прикрывались тенью осиновых и тополевых рощиц и стлались на расчищенных полянах с одинокими лиственницами и кедрами. Многие поляны были уже скошены. Длинные прокосы с увядшими пахучими рядами трав тянулись вплоть до берега реки. Кое-где уже стояли свежие стога еще не полинявшего вихрастого сена» [2, с. 39]. Под стать хозяйству и люди – крепкие, веселые, уверенные в себе, которые красиво и хорошо работают: «Груня, Настя и Маринка, все в пестрядинных мокрых шароварах, плотно облегавших их пышные бедра, выжимали друг на дружке платье и, потряхивая бисерами на груди, едва удерживали рвущийся наружу молодой, ядреный смех. И Стешка долго очесывала копну, складывая сено на верхушку, где Фирс Платоныч приглаживал его руками, завершая красоту копны со строгою любовью. <…> Поодаль под началом Анания росли ряды свежей кошенины, звенели и сверкали косы, раздавались молодеческие окрики подгонявших друг друга косарей, а вблизи шуршало

сено, рассыпался женский смех и разливался всюду теплый золотистый свет погожего дня» [2, с. 43, 46]. Эту идиллию радостного и свободного труда нарушает цивилизация, вторгающаяся в первозданный мир. Усомнившийся в правоте веры отцов сын Чураева, приехавший из столицы, несет в себе сомнение, подтачивающее вековечный уклад. Чураевка у Г. Гребенщикова становится символом прошлой России, в которой вера и труд были основой гармонии. Прогресс, сомнение, безверие ведут ее к катастрофе, которая разражается в отдельной семье как во всей стране.

Старообрядческий уклад у В. Крымова изображен совершенно иначе. Он создает, если говорить условно, хронотоп «натуралистический», подробно и с отвращением описывая этот темный и страшный мир. Не случайно в первой редакции произведение имело название «Бог и деньги», где мир старообрядчества определен метафорически емко и точно. На первом месте – Бог – строгий, взыскательный, мстительный, следящий за каждым шагом человека, парализующий его мозг и волю. На втором – деньги, добываемые любыми бесчестными средствами, но составляющими основу жизни так же, как и Бог. Это отчетливо показано уже в первом романе трилогии, иронически названном «Сидорово ученье». Герой романа, Арсений Аристархов, признается, что ему «никогда не хочется, как другим, вернуться к детству» [3, с. 41]. Его первое воспоминание – о наказании за то, что он отказался молиться. «Какой-то странный день. Солнце мутное, серое. В нашей столовой солнца не бывает и в обыкновенные дни, оно всегда заслонено грязной стеной соседнего дома» [3, с. 41–42]. Если младшие Чураевы вырастали в обстановке здорового и радостного труда, то Аристархов – темных суеверий: «Моя нянька клада меня – потом говорили – на жаркую лежанку и поила маком, когда я не хотел спать» [3, с. 42]. Он взрослел, роясь «на грязном общем дворе, лазил по крышам, устраивал неприятности соседям и прохожим на улице. Помои у нас сливались в большой обрез от ворвани, – это был мой пруд» [3, с. 43]. Герои Г. Гребенщикова росли у реки, в которой были видны камушки и которая была источником их радости и силы. Аристархов все детство провел в помоях, и даже став старше, всегда отмечал в провинциальных городах реки нечистот.

В «Братьях Чураевых» повествователь подробно описывает совершение религиозных обрядов, торжественных и важных, к исполнению которых собирались жители окрестных деревень, освящая ими все свои поступки. У В. Крымова эта сторона старообрядческой жизни показана так: «У нас на все были приметы, и всегда мрачные. Все сулило беду. Сны тоже были всегда не к добру. Или из родных кто-нибудь помрет, или болезнь будет в доме, или кража… Примет было много. Бабу встретишь с пустыми ведрами – разоренье. Мыши скребутся – из дому уходить. Три огня – смерть. Ласточка в дом залетела – смерть принесла. Зеркало разбилось – тоже смерть. Вши завелись – тоже к беде…» [2, с. 56].

Аристархов верил, что к беде сквозняк, начатое в понедельник или пятницу новое дело, неперекрещенный рот или кружка, куда залезет нечистый. «Все было пропитано страхом, надвигающимся несчастьем, ожиданием недоброго. За все грозило наказание свыше, на этом свете и том. я особенно боялся страшного суда. О нем часто говорили и по многим явлением выводили, что ”настали последние времена”. От этих разговоров на меня нападал страх, я вскакивал ночью с постели и подолгу молился перед лампадкой или отбивал земные поклоны. <…> Религиозная борьба, суровый религиозный режим оставляли свой след на ряде поколений. Скопили душевный холод» [2, с. 57]. Как и герои Г. Гребенщикова, Аристархов и его родственники ведут коммерческие дела, стремясь приумножить состояние. Однако их интересы лежат в области подрядов на строительство.

В романе «Сидорово ученье» В. Крымова есть фрагмент, который является своего рода оппозицией сцене сплава у Г. Гребенщикова. Так, в романе «Братья Чураевы» старший в семье, «перекрестившись, он наклонил волосатую голову к приколу, отвязал веревку и, бросив ее на плот, громко произнес: – Ну, с Господом!.. Счастливо!.. Сплавщики перекрестились, надели шапки, поплевали на руки и налегли на весла. Весла тягуче, по журавлиному заскрипели, плот отодвинулся от берега и закачался на зыбучих волнах. Фирс Платоныч перекрестил его, полюбовался и подошел к другому. Отвязал, благословил, полюбовался лесом, сусеками, бадьями, молодцами, в руках которых закурлыкали, запели весла, и подошел к третьему... И долго провожает и благословляет желтые, как вылитые из свежего воска, плоты свои Чураев и дольше всех мешкает с последним, с двенадцатым, на котором меж сусеками натянута белоснежная холщовая палатка: на этом поплыл Викул... Уже по всей излучине реки растянулись восковые пятна с цветными, кланяющимися у весел сплавщиками. Как стая желтых журавлей снялись и поплыли по быстрине реки... Плывут и разными голосами курлыкают все до единого...» [2, с. 19]. В романе В. Крымова за сплавом наблюдает Аристархов: «Бревна с тяжелым шлепаньем стали падать в воду. Проплывши немного, они цеплялись за берег, их нужно было отталкивать баграми, иначе наскакивали другие, и река быстро запруживалась, делался “залом”. <…> Чтобы подойти к бревну, по пояс лезли в воду, а то и по горло. водя ледяная. вместе с бревнами плывут льдины. башкиры с гиканьем и смехом барахтаются в воде, никто не жалуется, что холодно. Гул стоит над рекой. Пар идет от тел. Багры стучат по бревнам. река живет… Темнеет. <…> Смотрел на сотни спящих людей, ходил среди них и казалось, что это трупы. во всяком случае, не люди – разве люди могут так жить?!» [3, с. 270, 272]. Радостное и умильное состояние Фирса Чураева, отправляющего своих сыновей и односельцев на сплав, создает ощущение почти сакрального действа, из года в год повторяющегося в Чураевке. У В. Крымова сплав – страшное насилие над природой и

человеком, совершающегося ради наживы. «Тысячи люди спускались вместе с лесом и спали все так же на голой земле, все такие же мокрые, и все так же их подмораживало. ”Какие у них радости? это не жизнь, а кошмар наяву. когда-нибудь поймут же они, что возможна иная жизнь… Как же тогда с миллионами?”» [3, с. 274]. Любое душевное движение, испытываемое Аристарховым, завершается у него осознанием того, что только так, преодолевая страх, отвращение и даже внутреннюю нравственную установку, он сможет приблизиться к своей заветной цели – стать миллионером.

В. Крымов, в отличие от Г. Гребенщикова, видит старообрядческую среду источником множества суеверий и пороков, порождаемых страхом. В этой среде он не находит ни одного светлого человека, которого бы преображала вера отцов. Это мир наживы, обмана, коррупции, стяжательства. Если для автора «Чураевых» вторжение цивилизации является фактором разрушения и уничтожения первозданной нравственной красоты героев, а значит, и самой России, то для В. Крымова – это едва ли не единственный способ борьбы с косностью и суевериями, укоренившимися в их среде. Наживая миллионы, Аристархов стремится вырваться из постылой для него семьи, получить доступ к тем сторонам жизни, которые всегда были ему недоступны. Чураевы, напротив, открывая свой потаенный мир чуждым влияниям, рискуют окончательно потерять и его, и веру своих отцов. Совершенно очевидно, что Г. Гребенщиков и В. Крымов по-разному видят движущие силы истории России XIX в., иначе воспринимают духовный и практический опыт старообрядчества. Так же по-разному они отвечают и на вопрос о ее судьбах в XX в., но эта тема требует отдельного изучения.

Библиографические ссылки

1. Бонч-Бруевич В. Предисловие / В. Бонч-Бруевич. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола [Materiaux pour servir a l`histoire des sectes russes]: в 5 вып. – Вып. 1. Баптисты. Бегуны. Духоборцы. Л. Толстой о скопчестве. Павловцы. Поморцы. Старообрядцы. Скопцы. Штундисты [под ред. Бонч-Бруевича В.]. – СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1908. – XII, 314 с.
2. Гребенщиков Г.Д. Чураевы / Г.Д. Гребенщиков. 2-е изд. – New-York : Atlas, 1925.
3. Крымов В.П. Сидорово ученье. Том первый трилогии / В.П. Крымов. – Берлин: Петрополис, [1933]. – 316 с.
4. Царегородцева С.С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. : спец. : 10.01.01 – «Русская литература» / С.С. Царегородцева. – Томск, 2005. – 21 с.

Надійшла до редколегії 30 квітня 2014 р.